

Ноябрь 2003 - 2004 - 19-25 марта. - с. 22
второй полугодие и кредитные

В недавно открывшемся Центре имени Мейерхольда завершился фестиваль спектаклей Валерия Фокина. Начали с «Нумера в гостинице города NN» — возможно, лучшего фокинского спектакля с Авангардом Леонтьевым в роли Чичикова, знаменитого уникальной, уже легендарной звуковой партитурой Александра Бакши и Марка Пекарского, наполняющей маленькую театральную коробку (трансформируемая сцена — гордость Центра) зримым, осязаемым гоголевским миром с его запахами, настроениями, шорохами, стонами, смехом...

«Очень трудно находить что-нибудь в Гоголе — он как-то увертывается, прячется... А когда вы наконец найдете — это будет не то, не он: не вы его нашли, он сам высунулся, где не ждали. И сколько ни листай, сколько ни стараися узнать ПРО Гоголя, в комнате остается только след смеха, тень носа и запах легкой нечистой силы» — это Андрей Битов.

Фокин не то чтобы поймал неуловимого Гоголя, но точно создал атмосферу гоголевской фантасмагории, бреда и трепора. Вклад Авангарда Леонтьева в создание образа Чичикова неоценим и не оценен.

«Превращение» и «Еще Ван Гог» можно увидеть в репертуарных театрах, но всякий раз аншлаговые залы говорили о том, что малая сцена «Сатирикона» и коробочка «Табакерки» не могут вместить всех желающих увидеть Константина Райкина в роли кафкианского Гретора Замзы и Евгения Миронова — сошедшего с ума Ван Гога.

Завершила фестиваль российская премьера «Свадьбы» — третьего спектакля Валерия Фокина в лодзинском театре им. Стефана Яранча, одном из лучших в Польше.

За последние несколько лет Фокин поставил три чеховских спектакля — «Татьяну Репину» (копродукция Авинь-

вестой мало дали и кредитные билеты — в залог... Бедные, облезшие деревянные шкафы на заднике, полубезумный пьяный отец, лживо улыбающаяся мать в подновленном по случаю чепце, сомнабулические упившиеся гости с мертвенно-бледными, набеленными лицами, двигающиеся словно в рапиде, неожиданно запевающая арию цыганка. Но от резкого, звучного женского голоса так и не просыпается ни одна живая душа на этом адовом свадебном празднике. Все как будто в старом неотмытом

Фото Виктора СЕНЦОВА

СВАДЬБА БЕЗ ГЕНЕРАЛА

онского фестиваля и московского ТЮЗа), «Свадьбу» и «Трех сестер» (Национальный театр Хельсинки). Разбросанные по разным театрам и странам, они, тем не менее, внутренне связаны, представляют собой некую сценическую трилогию. Фокинский Чехов — жесткий, фантасмагоричный, наследующий мейерхольдовскую традицию, горюющий над абсурдностью общепринятых норм человеческой жизни. Его «Свадьба» — не бытовая комедия, не водевиль. Она «отрагикомичности морального уродства, которое при всей своей дикости чувствует себя в своем праве».

На по-свадебному накрытом столе среди цветов и бутылок — обескураживающие пустые тарелки: недаром же них жалуется, что денег за не- вав... Родители невесты в промежутках между сладкоголосыми тостами и медоточивыми пожеланиями долгой любви жёстоко пере-

ругиваются — тоже как пророчество судьбы брачующихся.

Всем пусто, скучно... Все ждут генерала — если он придет, значит, тусовка престижна, свадьба удалась. И вот он приходит — морской капитан второго ранга Ревунов-Карaulов (Александр Беднарж). Похож на Будрайтиса в расцвете лет, застенчив, белая кепка с черным околышем аккуратно выстирана и выглажена. Все ему подливают, подкладывают лучшие куски... И вдруг выясняется, что он не генерал, а двадцать пять рублей, даденные для умасливания генерала, украд прохвост Андрюшка, посланный за ним... Капитанское «Выведите меня отсюда... Люди... Люди!» звучит как Иринино из «Трех сестер». «Я устала, выбросьте, выбросьте...

те меня!» — такая внезапная, отчаянная усталость от разочарования в людях, как от удара по голове. Жесткая запрограммированность мизансцена абсолютно оправданна: безжизненная марионеточность гостей и молодых простирает из самого их безвольного существования.

В финале гости по-звериному, на четвереньках забрались на свадебный стол, смахнув, не глядя, тарелки-ложки. Резкий свет софитов выделяет их мертвенно-белые лица, все они хором оскалились на белого не-генерала, а он ничего не понимает: кто эти вдруг изменившиеся люди? Где он?

Это самая сильная сцена в спектакле, причем настолько, что сквозь страх смех уже не проступает. Просто totally страшно. Может быть, в этом не абсолютная удача «Свадьбы» — при всем ужасе и дрожи «Нумера...» он оставлял тебе надежду и выход (пусть даже в ад), и дрожащий звук бьющей в жестяное ведро струи, и похоронный звон мертвых душ, и праздничное песнопение.

● Екатерина ВАСЕНИНА

4/4